

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

МОГИЛЬНИК БЛИЗ ШИРИН-САЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Когда в начале 1943 г. в Узбекской ССР, в районе г. Беговат, начались работы по созданию Фархадской гидроэлектростанции (ГЭС) — этого гиганта электрификации Средней Азии, перед соответствующими научными учреждениями Узбекистана встал вопрос об обеспечении археологическим надзором Фархадстроя. При большом объеме предстоящих земляных работ на достаточно обширной территории, особенно в связи с прорытием деривационного канала, допустимо было предвидеть возможность открытия памятников старины, значение которых нельзя недооценить, учитывая местоположение Фархадской ГЭС. Это район левобережья среднего течения Сыр-дарьи, расположенный на границе Ферганской долины и представляющий собой часть полосы предгорий Туркестанского хребта, которая в древности входила в состав земель области Усрушаны и никогда еще не являлась объектом археологического изучения.

Для предварительного ознакомления с местом строительства Фархадской ГЭС в марте 1943 г. Институтом языка, литературы и истории Узбекского филиала Академии Наук СССР (УзФАН) был командирован научный сотрудник В. Д. Жуков.

Обследовав в течение нескольких дней территорию строительных работ, В. Д. Жуков выяснил, что трасса деривационного канала прошла в одном пункте (недалеко от места строительства плотины) через древний могильник с погребениями, содержащими интересный вещественный инвентарь. Вместе с тем В. Д. Жуков установил, что у плотины, на левом берегу Сыр-дарьи, в полосу работ попадает обширное древнее поселение Мунчак-тепе.

УзФАН совместно с Ташкентской группой Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) решили немедленно направить специальную экспедицию для производства прежде всего раскопок могильника, зарегистрированного на деривационном канале. Попутно с этим экспедиции поручалось вести археологическое наблюдение на всей площади Фархадстроя. В состав названной Фархадской археологической экспедиции вошли следующие научные сотрудники ИИМК: В. Ф. Гайдукевич — руководитель экспедиции, М. М. Герасимов и М. З. Паничкина — сотрудники экспедиции.

По прибытии на Фархадстрой экспедиция произвела детальный осмотр всей зоны строительных работ к востоку и западу от Беговата. В дополнение к уже выявленным археологическим объектам было установлено, что в районе постройки ГЭС (западнее Беговата) находятся остатки

довольно обширного древнего поселения, расположенного на участке интенсивных земляных работ.

В результате наблюдения был собран археологический материал, характеризующий культуру указанного поселения.

Основное внимание экспедиция сосредоточила на древнем могильнике, где еще в феврале месяце было разрыто несколько могил. О раскопках могил на русле канала (глубина его достигала приблизительно $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ проектного профиля) свидетельствовали находки фрагментов древней керамики, а иногда и почти целых сосудов. Такие находки обнаруживали и в дамбах, насыпанных из земли, вынутой при рытье канала. Принадлежность этих предметов древним захоронениям убедительно подтверждалась обнажившимися человеческими костями на значительной глубине от современной поверхности почвы в ряде мест как на боковых вертикальных стенках канала, так и на дне его.

К моменту прибытия экспедиции на месте древнего могильника земляные работы не велись. По указанию руководства Фархадстроя они были приостановлены до прибытия археологов. Учитывая научное значение могильника, строительство продолжало в дальнейшем работы на участке древнего могильника под наблюдением археологов и с учетом требований научной раскопчной методики.

Могильник, обнаруженный на I участке строительства деривационного канала Фархадской ГЭС, расположен в 4,5 км восточнее Беговата, на левой стороне Сыр-дарьи, приблизительно в 400 м к югу от ее русла. Поблизости от могильника с западной стороны проходит Ширин-сай — пересыхающее русло одного из протоков р. Ак-су.¹ На расстоянии около 2 км к востоку от могильника, по другую сторону Сыр-дарьи, у излучины последней находятся легендарные скалы Фархад-тау² — отвесные прибрежные обрывы подходящих к Сыр-дарье отрогов Могол-тау, — у подножья которых велась постройка плотины Фархадской ГЭС.

Работа экспедиции по исследованию могильника производилась на 90-метровом отрезке канала, преимущественно в южной (точнее — юго-западной) его половине, где была выявлена главная сохранившаяся еще часть могильника (рис. 1). Некоторое количество погребений (10) было раскрыто путем лишь небольшого дополнительного снятия грунта на дне канала (последнее не являлось окончательным, поскольку канал подлежал в дальнейшем значительному углублению), при этом выяснилось, что кое-где предшествующими земляными работами, производившимися до прибытия экспедиции, уже достигнута глубина, совпадающая с уровнем залегания погребений, вследствие чего некоторые из них оказались в той или иной степени потревоженными.

Кроме исследования указанных могил, была произведена раскопка юго-западного борта канала. Тут была раскопана сплошная полоса, длиной 75 м, шириной 5 м. На этом пространстве обнаружено 17 погребений. Всего исследовано 28 погребений (одно из них оказалось у противоположного, северо-восточного борта канала).

¹ О характере ландшафта этого района дает хорошее представление снимок, опубликованный в книге З. Ф. Караваева «Голодная степь в ее прошлом и настоящем» [Пг., 1914, таблица между стр. 32—33 (верхний рисунок)].

² Скалы Фархад-тау, известные также под названием Ширин-фархад, являются западной границей Ферганской долины. См.: А. А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде. ЗРГО, т. 4, СПб., 1871 (стр. 188—189: «Возвышенностью Ширин-фархад замыкается та часть плодородной и обильной водами, обработанной долины верхней Сыр-дарьи, которая еще в древности славилась своим плодородием и населенностью под именем счастливой Ферханы. Далее на запад от нее [т. е. от возвышенности, — В. Г.] идет возвышенная травянистая степь, на которой находятся зимовья узбеков»).

Большинство раскопанных Ширин-сая погребений представляет собой грунтовые ямные могилы. Наряду с этим, зарегистрировано несколько погребений, которые были совершены в могилах катакомбного типа. К сожалению, все они оказались уже разрушенными

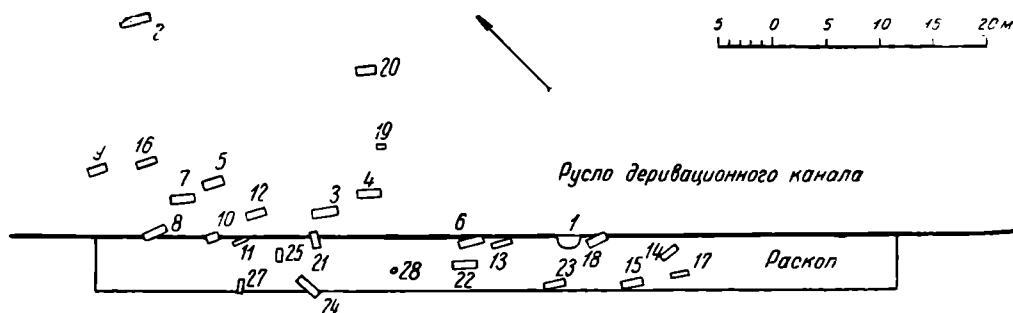

Рис. 1. План раскопанной части могильника близ Ширин-сая.

настолько, что нельзя было выяснить их устройство. Могилы были вырыты в мощном массиве лёсса. Во многих случаях выявить очертания могильных ям не представлялось возможным. Лишь в глубоких захоронениях, достигавших горизонта, где начинался переход лёссовых отложений

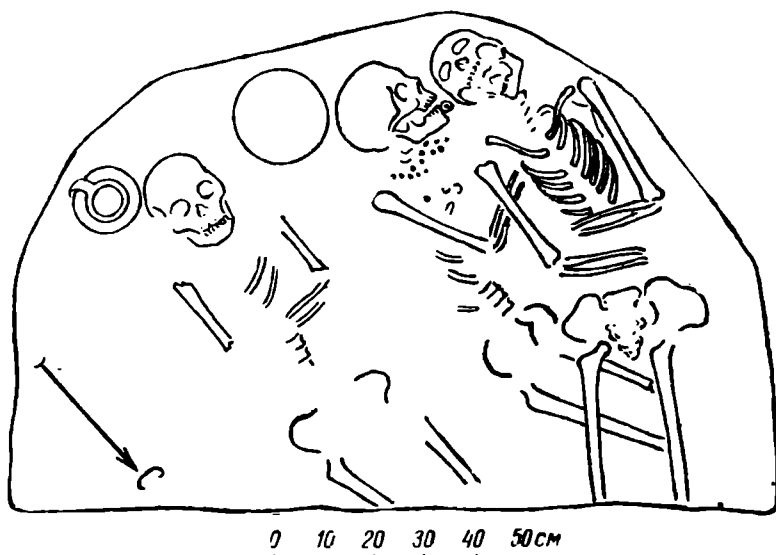

Рис. 2. Погребение № 1.

верхнего яруса в подстилающий их слой более интенсивно желтоватого цвета, контуры могильного пятна прослеживались отчетливо.

Как оказалось, некоторые могилы были разграблены в древности, при этом были похищены вещи, а попутно с этим разрушены и костяки погребенных.

Ниже мы даем краткое описание раскопанных погребений.

Погребение № 1 (рис. 2). Глубина 1.83 м.¹ Часть катакомбы

¹ При описании погребений приводятся те данные о размерах могил и их глубине, которые могли быть установлены в каждом отдельном случае. Не всегда удавалось точно выяснить глубину, так как часть погребений обнаружена, как указывалось выше, на дне уже частично прорытого канала (был снят слой грунта в глубину до 3.50 м). Вместе с тем в ряде случаев отсутствие четких границ могильных ям делало невозможным определение их длины и ширины.

с тройным захоронением. Все костяки ¹ лежали головами на юг; нижние части ног срезаны при выемке грунта канала, борт которого пересекает могилу. Значительная часть погребальной камеры (подбой) все же уцелела под незатронутой земляными работами насыпью.

Крайний (восточный) костяк (повидимому, женский) лежал на спине; возле черепа, по правую от него сторону стоял изящный глиняный одно-ручный кувшинчик, покрытый красным ангобом и украшенный четырьмя рельефными горизонтальными поясками, плечи орнаментированы тремя

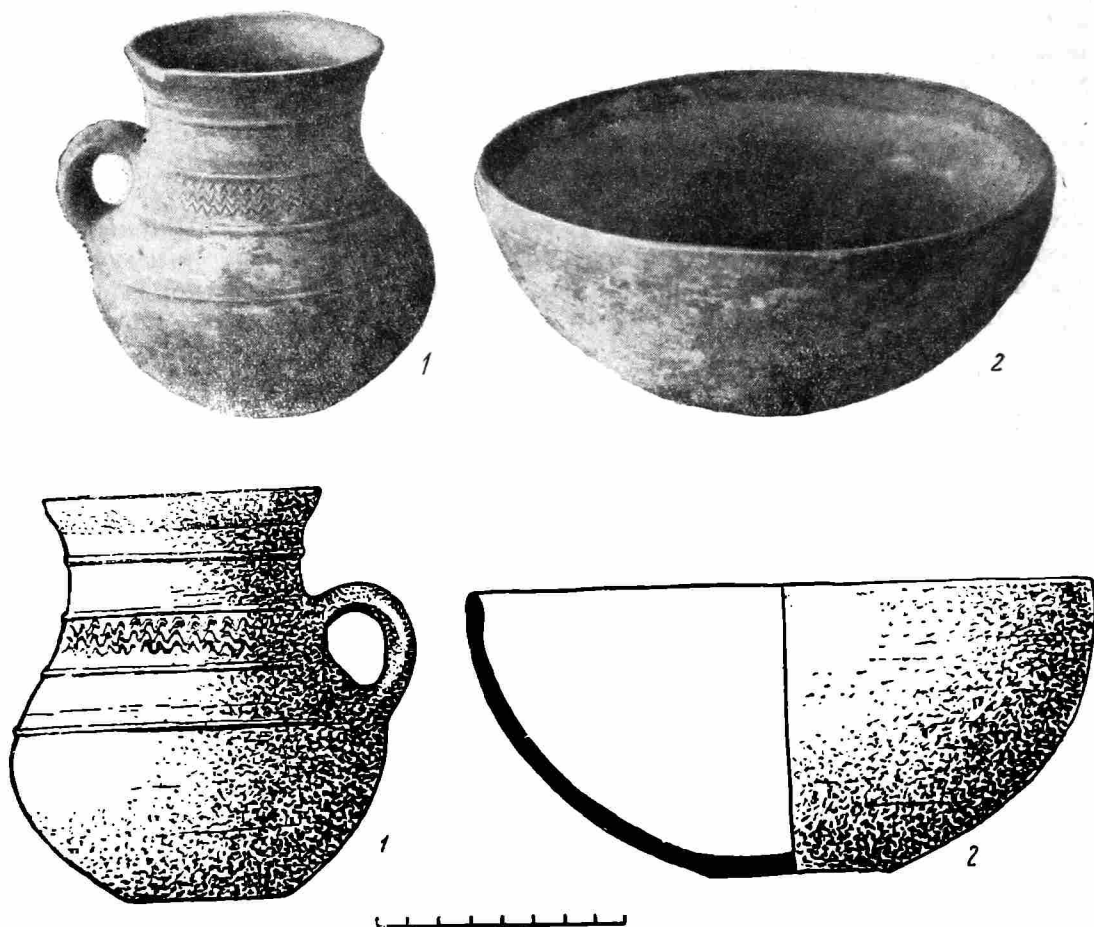

Рис. 3.

1, 2 — сосуды из погребения № 1 (вверху — фотографии, внизу — рисунки).

волнистыми углубленными линиями, исполненными еще по сырой глине, до обжига и до покрытия сосуда ангобом (рис. 3, 1). По левую сторону от черепа находилась глиняная, покрытая красным ангобом, чаша (рис. 3, 2).

Средний костяк (женский) лежал в скорченном положении. Под черепом его, возле рта, найдена китайская медная монета I в. н. э. (рис. 4).

¹ Принимавший участие в работах экспедиции М. М. Герасимов вел специальные наблюдения над костными остатками; в частности, им делались определения пола и возраста погребенных. В опубликованной недавно книге (М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949) даны описания черепов из некоторых погребений, раскопанных в 1943 г. у Ширин-сая (погребения №№ 1, 5, 7, 8, 23) и представлены реконструкции лиц (стр. 123-129).

На шее обнаружены бусы из белой стекловидной (пористой в изломе) массы в форме приплюснутых шариков, на которых сохранились следы позолоты; пастовые зеленого цвета — кубической (1) и биконической (1) формы; биконическая янтарная бусина (распалась); крупная шаровидная бусина из горного хрусталя; раковина «каури»; бронзовый бубенчик и пронизь в виде серебряной полый трубочки.

Третий костяк (мужской), при котором никаких вещей не оказалось, лежал на спине, частично перекрывая соседний костяк женщины, что особенно отчетливо было выражено в положении ног; бедренные кости крайнего костяка лежали сверху, поперек бедренных костей среднего костяка.

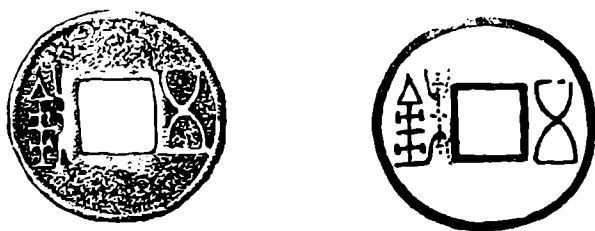

Рис. 4. Бронзовая китайская монета (лицевая сторона) из погребения № 1.

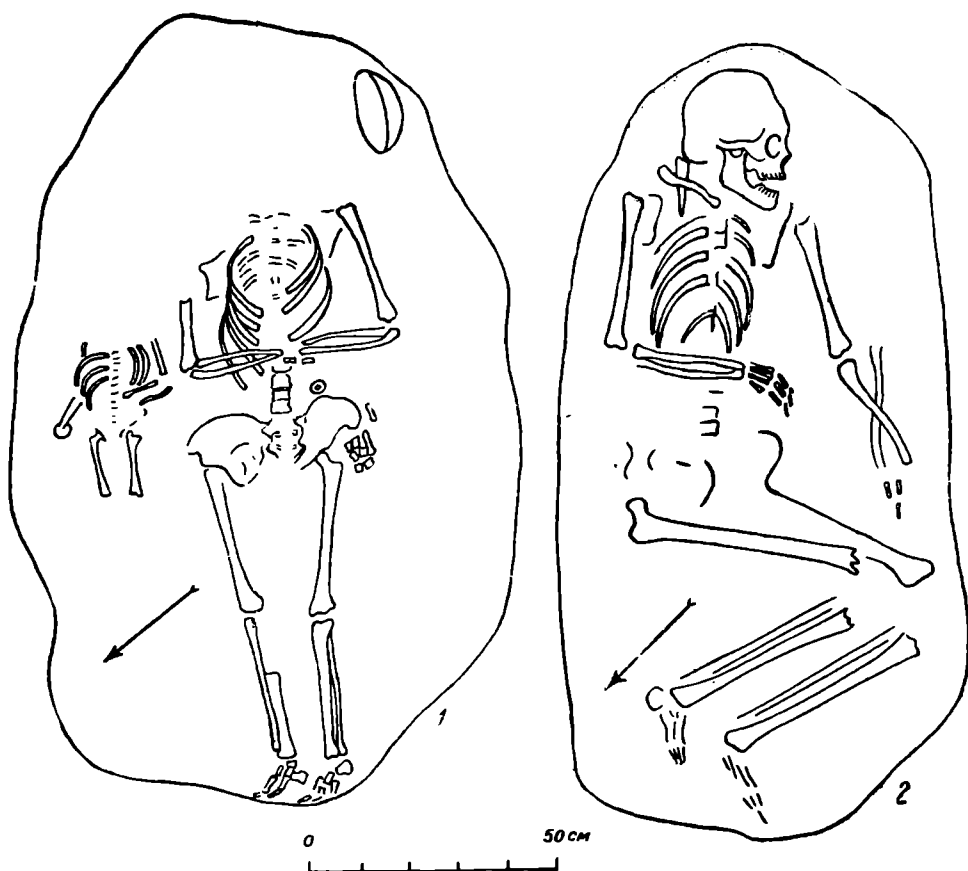

Рис. 5.

1 — погребение № 2; 2 — погребение № 5.

Погребение № 2 (рис. 5, 1). Длина 2.44 м, ширина 1.60 м, глубина 3.20 м. Двойное захоронение — взрослого (женщина) и ребенка. При земляных работах был задет костяк взрослого, вследствие чего последний оказался лишенным черепа.

Костяк взрослого лежал на спине, головой на ВЮВ; руки, согнутые в локтях, сложены на груди; правая нога согнута в коленном суставе и поставлена в приподнятом (коленом кверху) положении. Возле головы с южной стороны найдена глиняная чаша, покрытая красным ангобом, такого же типа, как и в погребении № 1. На уровне поясицы в левой части костяка, около таза лежало пряслице — глиняный диск (диаметр 3.7 см) со сквозным отверстием в центре (сделан из обломка сосуда, покрытого с одной стороны красным ангобом). В той же левой стороне возле таза найден распавшийся железный нож с короткой круглой костяной ручкой и оселок (длина 6.7 см), один конец которого заострен, а другой, утолщенный, имеет отверстие для подвешивания. Против левого тазобедренного сустава лежали бараньи кости: 6 астрагалов и 2 нижних эпифиза метоподии. Справа от костяка взрослого обнаружен плохо сохранившийся костяк ребенка, лежащий на спине. На правой его руке был надет бронзовый проволочный браслет (диаметр 4.4 см), у запястья на той же руке оказались бусы из стекловидной массы в виде параллелепипедов со срезанными углами. На дне могилы были заметны следы подстилки из травы.

Погребение № 3. Длина 2.20 м, ширина 0.80 м. Костяк (женский) лежал на спине, головой на ВЮВ, с вытянутыми вдоль туловища руками, часть черепа срезана кетменем при земляных работах. Рядом с плечевой костью левой руки в грунте сохранилось углубление — отпечаток дна стоявшего в могиле сосуда, извлеченного землекопачами при выемке грунта (до работ экспедиции). Оказавшийся рядом с погребением № 3 на дне канала фрагментированный сосуд, будучи помещен в указанное углубление, точнейшим образом совпал с ним, подтверждая тем самым свою принадлежность погребению. Сосуд представляет собой плоскодонный горшок, покрытый белым ангобом и украшенный по тулову четырьмя врезанными горизонтальными линиями и одной волнистой, расположенной под ними.

Погребение № 4. Глубина 1.60 м. Костяк плохой сохранности, лежал на спине, головой на ВЮВ, руки вдоль туловища; некоторые кости сдвинуты, повидимому, грызунами. Возле черепа, по правую от него сторону, стояла глиняная чаша, покрытая красным ангобом (такого же типа, как в погребении № 1). Под нижней челюстью, на уровне шеи, найдены бусы: мелкие лигнитовые в форме цилиндриков и кружочков (94) и шаровидные сердоликовые (2). На безымянном пальце правой руки был железный перстень; такой же перстень, сильно коррозированный, оказался и на мизинце левой руки. У запястья левой руки обнаружено 8 бус из стекловидной массы, имеющих форму продолговатых параллелепипедов со срезанными углами (такие же, как в погребении № 2). Чуть выше коленного сустава правой ноги лежал плоскодонный глиняный горшок, поверхность которого покрыта светлой обмазкой, плечи украшены двумя волнистыми углубленными линиями.

Погребение № 5. Длина 1.28 м, ширина 1.32 м, глубина 1.70 м. Повидимому, остатки разрушенной катакомбы. Костяк лежал на левом боку в скорченном положении, головой на ВЮВ (рис. 5, 2). В могиле найден глиняный плоскодонный кувшин с ручкой (рис. 6, 1), плечи украшены горизонтальными линиями, прочерченными по сырой глине; верхняя часть кувшина была покрыта красно-бурым ангобом, нанесенным небрежно и расплывшимся потеками по нижней части тулова (сохранились лишь небольшие следы). Рядом с кувшином оказалась глиняная чаша со следами коричневатого ангоба, перекрывавшего слой ангоба белого, с желтовато-розоватым оттенком (рис. 6, 2). Оба сосуда расположены на расстоянии 40—50 см от костяка; они находились

на несколько более высоком уровне, чем костяк, поскольку к северу от него в могиле была образована небольшая приподнятая площадка («приступка»).

Погребение № 6. Глубина 2.40 м. Костяк (мужской) лежал на спине, головой на ВЮВ, руки вытянуты по обеим сторонам туловища. В южном углу могилы, т. е. по левую сторону головы, стоял плоскодонный горшок без украшений, лишь на плечах сделан небольшой уступ, как бы ограничивающий горло сосуда (рис. 7, 1).

В нижней части грудной клетки — и справа и слева — найдены бесформенные куски железных предметов, настолько разрушившихся, что назначение их определить невозможно.

Погребение № 7. Глубина 1.80 м. Северо-западный конец могилы скрыт при земляных работах, при этом были уничтожены нижние части ног костяка. Костяк лежал на спине головой на ВЮВ, левая рука вытянута вдоль туловища, правая — согнута в локте и положена на нижнюю часть грудной клетки. За черепом стоял глиняный плоскодонный горшок, покрытый снаружи светлой обмазкой, плечи его украшены углубленной волнистой линией между двумя горизонтальными прямыми линиями (рис. 8, 1). Рядом с горшком стояла глиняная чашка, покрытая темнокрасным, малиновым ангобом, нанесенным по белой обмазке (рис. 8, 2). В отличие от обычного типа глиняных чаш, встречающихся в погребениях данного могильника и имеющих гладкое, плоское дно, чаша из погребения № 7 снабжена кольцевидной подставкой.

Погребение № 8 (рис. 9, 1). Длина 2.50 м, ширина 1.02 м, глубина 1.90 м. Костяк (женский) лежал на спине, головой на ВЮВ, левая рука вытянута книзу, правая согнута в локте, кисть правой руки была положена на нижнюю часть грудной клетки; ноги в коленях сближены вплотную. На месте шеи найдено много бус: бисер из стекла светло-зеленого цвета (63), из лигнита (13), мелкие бусы из стекловидной массы (22), лигнитовые в виде цилиндриков и кружочков (104), темносиние стеклянные биконические (3), пастовые белые в виде миниатюрных трубочек (8), шаровидная сердоликовая бусина (1), пастовая кубической формы (1), продолговатая стеклянная, усеянная шишечками (рис. 10, 1).

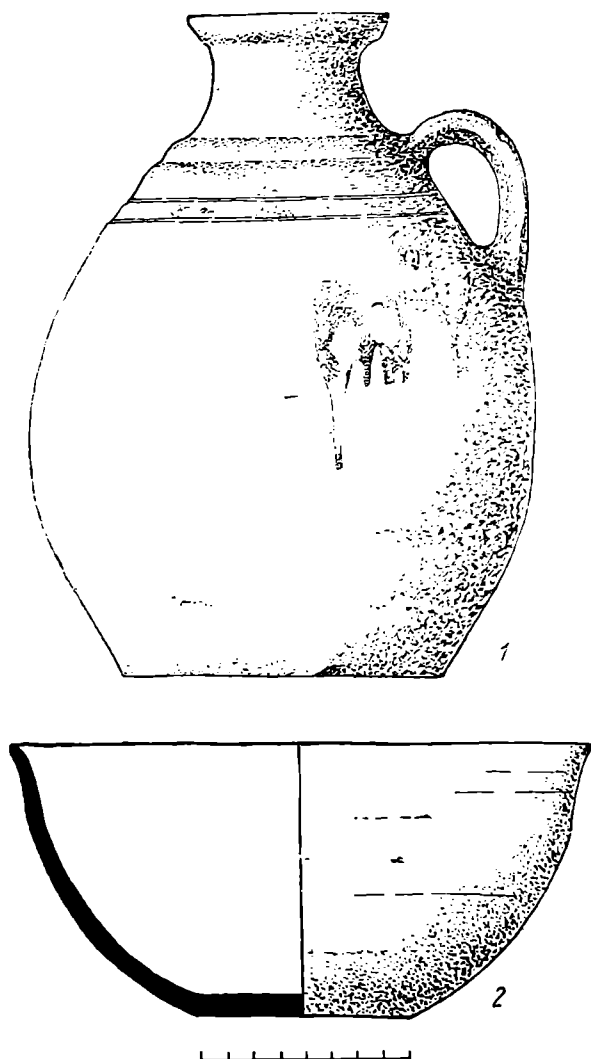

Рис. 6.

1, 2 — сосуды из погребения № 5.

У локтевого сустава левой руки лежал бронзовый перстень (рис. 10, 2), расширяющийся спереди и имеющий круглое углубление; повидимому, перстень находился на кисти правой руки. Под крестцом костяка лежали пастовая бусина и бронзовый колокольчик (высота 3.2 см) в форме четырехгранной пирамидки с ушком для подвешивания (рис. 10, 3); каждая боковая плоскость колокольчика украшена 5 выгравированными

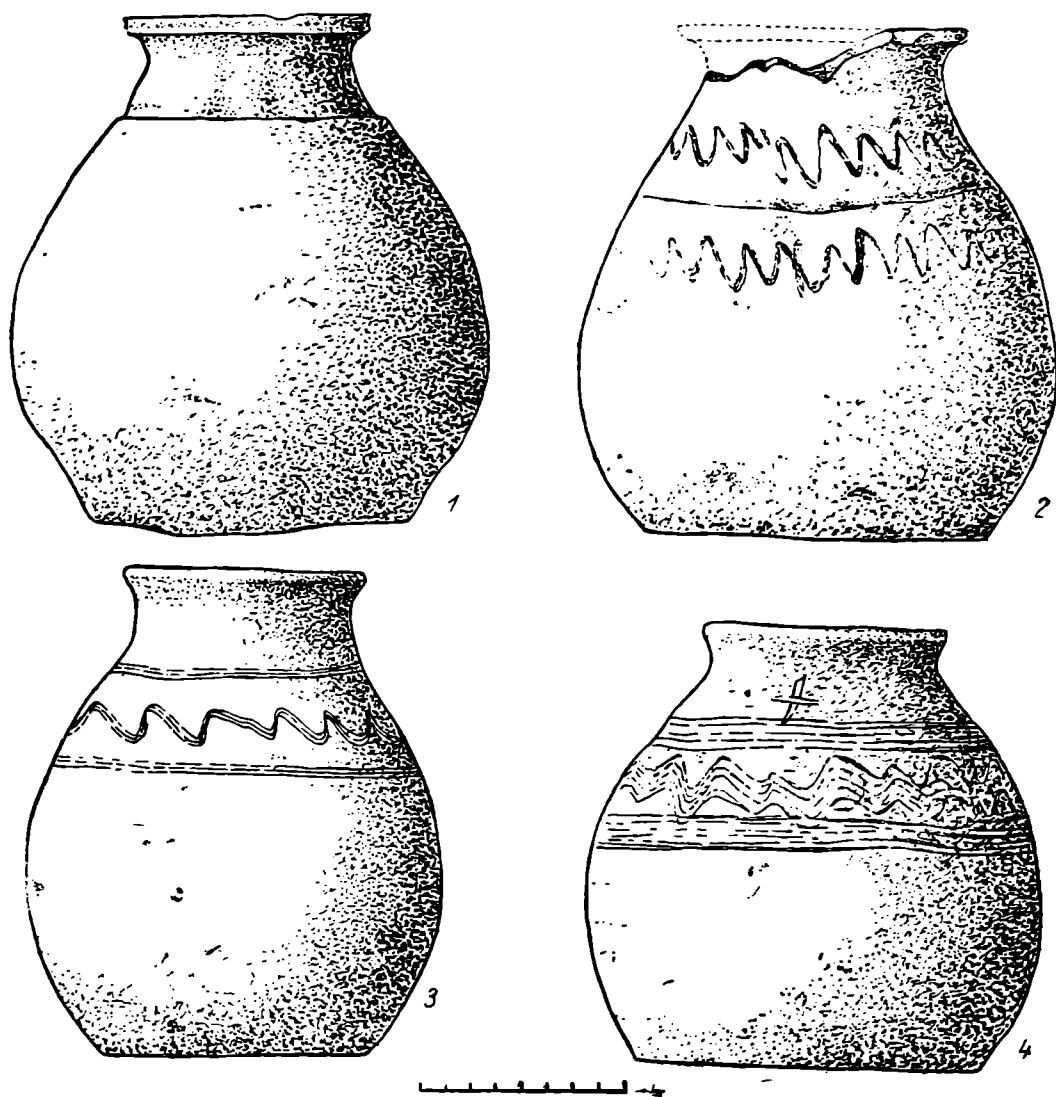

Рис. 7. Сосуды.

1 — из погребения № 6; 2 — из погребения № 10; 3 — из погребения № 11; 4 — из погребения № 12.

линейными кружочками с точкой в центре; нижний край орнаментирован зигзагами (место находки колокольчика позволяет считать, что он, возможно, был прикреплен к косе).

На уровне нижней части грудной клетки в левой стороне костяка найдены сгруппированными в одно место следующие предметы: крупная продолговатая (длина 4.5 см) утолщающаяся посредине пронизь из черного роговика (рис. 10, 4), подвеска в форме пирамидки (высота 2.4 см) из черного с зелеными вкраплениями змеевика (серпентин)

(рис. 10, 5), плоская округлая пронизь из черного змеевика (рис. 10, 6), пастовые бусы (3), круглая фаянсовая (?) бусина с вертикальными желобками снаружи, в которых сохранились следы яркоголубой краски; боченкообразная бусина из агата (рис. 10, 7), сердоликовая пронизь, имеющая форму кососрезанного цилиндрика (рис. 10, 8).

Под всеми перечисленными украшениями находилась бронзовая цилиндрическая трубочка (длина 4.8 см), внутри полая; одному ее концу (закрытому) придана шаровидная форма; другой конец открытый; внутри трубки и у ее открытого конца — следы железа; на трубке снаружи заметны следы ткани. Поверх же поименованной группы мелких вещей лежали бесформенные куски какого-то железного предмета, совершенно испорченного коррозией, повидимому, это был нож; не исключено, что вышеописанная бронзовая трубочка являлась рукояткой ножа (рис. 10, 9).

Погребение № 9 (рис. 9, 2). Длина 1.80 м, ширина 0.54—0.90 м, глубина 1.95 м. Костяк лежал на спине, головой на ВЮВ, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и направлена кистью к верхней части грудной клетки. Возле правой плечевой кости стоял плоскодонный глиняный горшок без украшений, покрытый белым ангобом.

Погребение № 10, разрушенное и разграбленное в древности. Глубина 1.60 м. На дне могильной ямы сохранились беспорядочно разбросанные отдельные кости. Поверх фрагмента нижней челюсти лежал на боку фрагментированный плоскодонный глиняный горшок (отбита часть горла), покрытый снаружи светлой обмазкой; горшок украшен двумя слабо заметными, небрежно сделанными углубленными волнистыми линиями — одна на плечиках, другая на тулове, в промежутке же между ними — горизонтальная линия (рис. 7, 2).

Погребение № 11. Глубина 1.85 м. Костяк, очень сильно истлевший, лежал на спине, головой на ВЮВ; возле головы стоял глиняный плоскодонный горшок, покрытый белым ангобом и украшенный волнистым орнаментом («волна» состоит из трех вдавленных линий), занимающим среднюю часть поля, органического сверху и снизу горизонтальными линиями (рис. 7, 3).

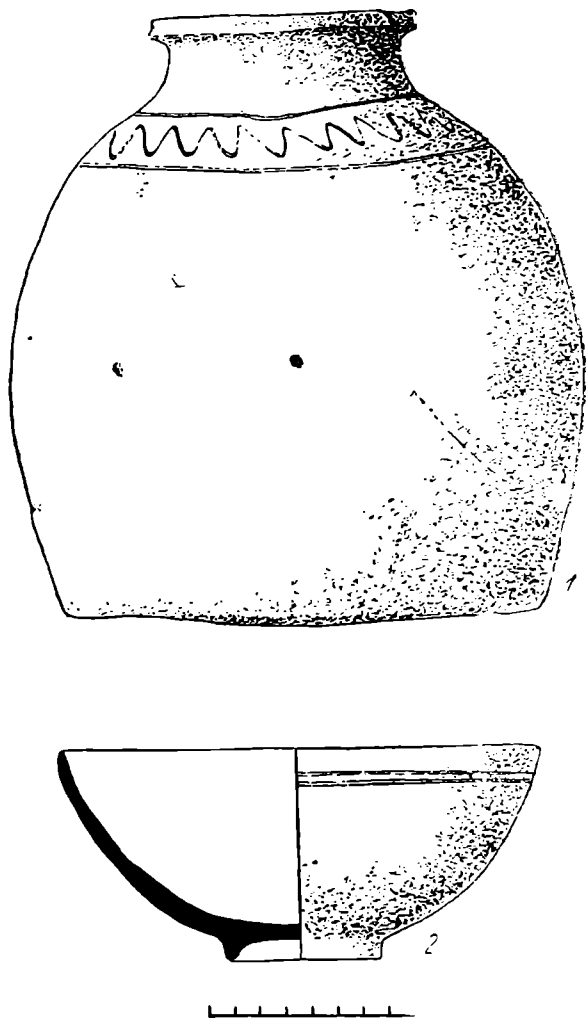

Рис. 8.

1, 2 — сосуды из погребения № 7.

Погребение № 12, разграбленное в древности. Глубина 1.90 м. В грунте, заполнявшем могилу на 25 см выше костяка, над правым его плечом, был найден лежащий на боку глиняный горшок со следами белого ангоба, плечи украшены врезанным гребенчатым орнаментом, заключенным между двумя поясами горизонтальных линий, под горлом с одной стороны врезанный крестообразный знак (рис. 7, 4). Указанное местонахождение сосуда (кстати отметим, что в заполнявшей сосуд земле обнаружены фаланги пальцев руки!) объясняется разграбленностью погребения. Костяк лежал на спине, головой на ВЮВ, верхняя часть черепа обнаружена в вертикальном положении, нижняя челюсть была

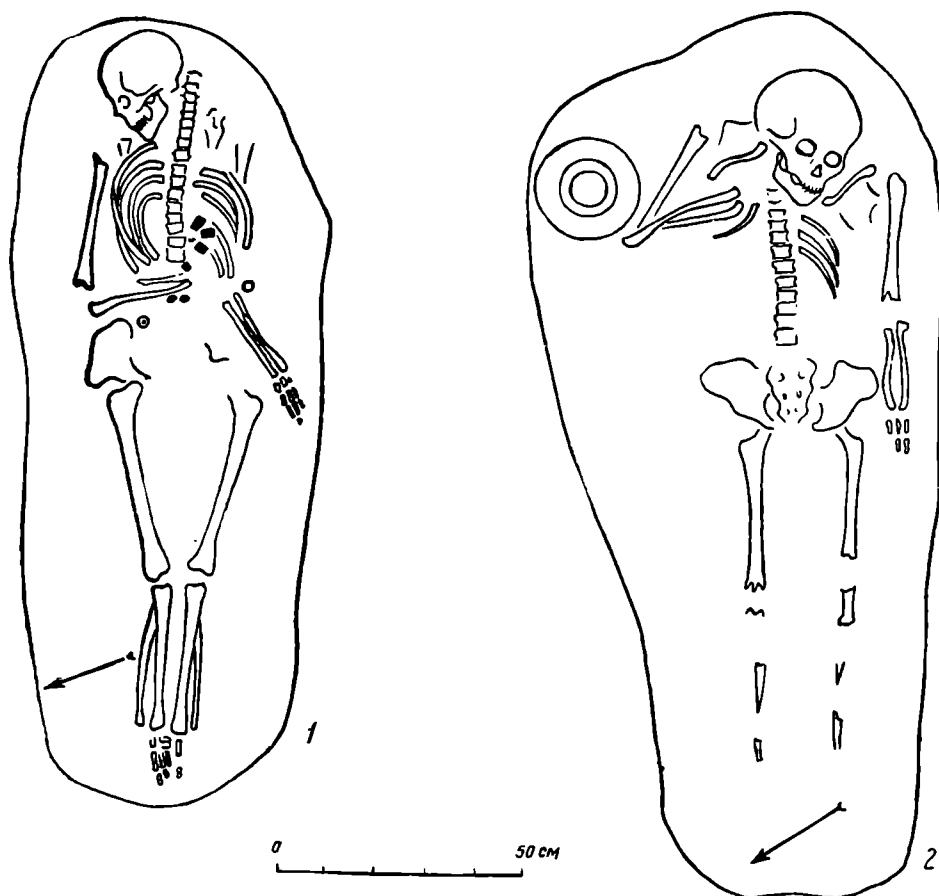

Рис. 9.

1 — погребение № 8; 2 — погребение № 9.

in situ; уцелело несколько шейных и спинных позвонков, тазовые кости не сохранились, кости ног оказались на месте. Под нижней челюстью найдена маленькая бусина из синего стекла и стеклянная же бусина в виде пары соединенных шариков. На уровне груди найдены: 2 крупные продолговатые стеклянные бусины (стекло темное коричнево-зеленоватое) с инкрустированными полосками из стекла молочного цвета, 1 шаровидная бусина из стекловидной пасты голубого цвета с инкрустированными темносиними кусочками стекла, обрамленными желтой каймой. В области поясицы оказалось 9 крупных шаровидных лигнитовых бус и 1 бронзовый бубенчик с проволочным петлеобразным ушком для подвешивания.

Погребение № 13. Глубина 1.80 м. Костяк плохой сохранности, лежал на спине, головой на ВЮВ; правая рука согнута в локте

и нижней своей частью лежала, очевидно, на грудной клетке; левая рука, тоже согнутая в локте, была обращена к голове так, что кисть находилась непосредственно около черепа. Таз смещен, левая его половина обнаружена у коленного сустава левой ноги. Повидимому, при погребении ноги покойника были согнуты в коленях и поставлены в приподнятом (коленями кверху) положении. При последующем распаде трупа кости ног, вследствие их вышеуказанного положения, оказались

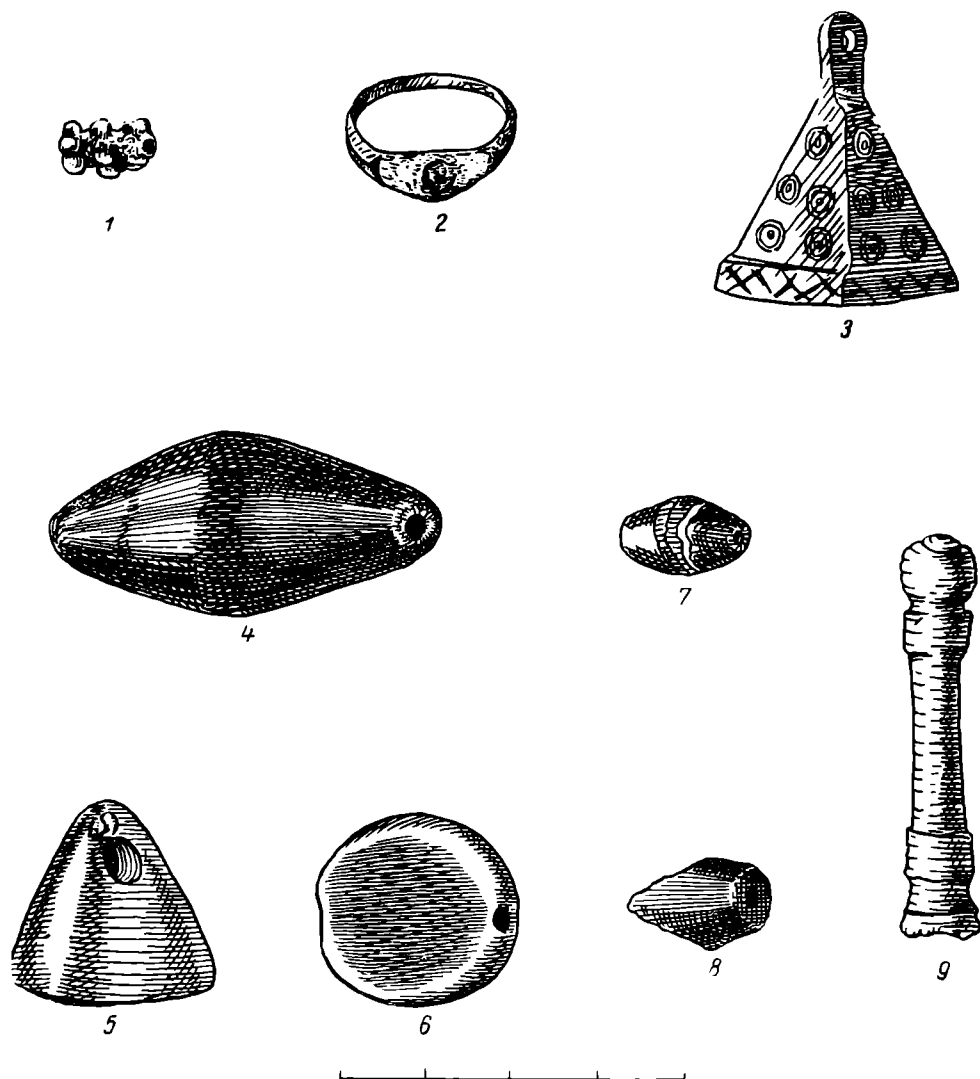

Рис 10. Вещи из погребения № 8.

1 — стеклянная бусина; 2 — бронзовый перстень; 3 — бронзовый колокольчик; 4 — пронызь из рога; 5 — подвеска из змеевика; 6 — пронызь из змеевика; 7 — бусина из агата; 8 — бусина из сердолика; 9 — бронзовая рукоятка ножа (?).

лежащими так, что левая голень перекрывается сверху левым же бедром. Тем же обстоятельством объясняется и косое направление обеих бедренных костей. Между коленями лежал плоскодонный глиняный горшок; возле правого бедра справа от костяка найдена глиняная чаша.

Погребение № 14. Длина 2.20 м, ширина 0.90—1.25 м, глубина 1.75 м. Костяк представлен едва заметными признаками истлевших костей, из которых все же можно было выяснить, что погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на ВЮВ. Возле левой голени стояло большое глиняное блюдо (диаметр 31 см) на трех ножках, покрытое

темнокрасным ангобом (рис. 11, 2); близ верхнего края блюда с одной стороны имеется 2 маленьких сквозных отверстия; на блюде лежали кости нижней челюсти собаки.

Рядом с блюдом, на расстоянии 20 см от костяка, против левого колена, найден другой глиняный сосуд в форме фляги (рис. 11, 1); одна из сторон ее выпуклая, другая — плоская; выпуклая сторона украшена спиралевидной линией, прочерченной по мягкой глине; поверхность фляги покрыта белым (желтоватым) ангобом, по которому был нанесен красный ангоб, сохранившийся лишь небольшими пятнами.

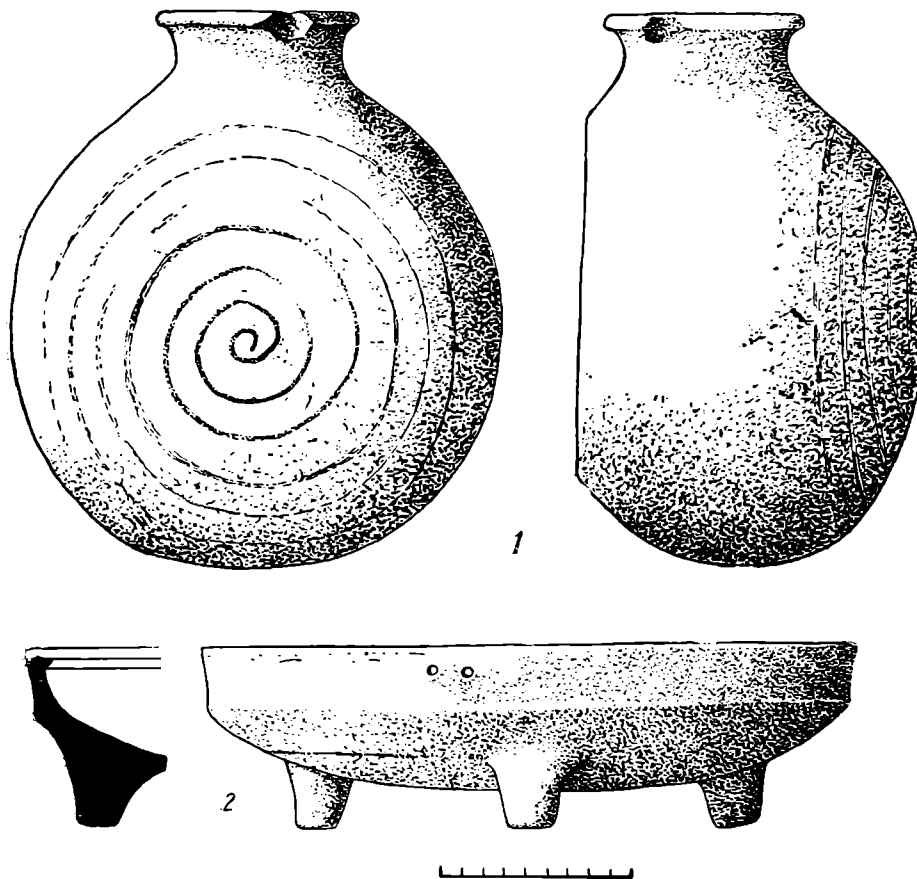

Рис. 11.

1, 2 — сосуды из погребения № 14.

Погребение № 15 (рис. 12, 1). Длина 1.66 м, ширина 0.85 м, глубина 1.60 м. Костяк с деформированным черепом лежал в скорченном положении на левом боку, головой на ВЮВ; левая рука вытянута книзу по направлению к коленям, правая согнута в локте и нижней своей частью положена поперек туловища; близ черепа у правой ключицы найден оселок (?) из серого песчаника с заостренным одним концом и утолщенным другим, причем последний снабжен сквозным отверстием. Под черепом оказались 2 стеклянные бусы — одна круглая шаровидная, другая удлинённой формы. Около кисти правой руки найдена продолговатая пастовая бусина (рассыпалась).

Погребение № 16, разрушенное; костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на ВЮВ.

Погребение № 17, разрушенное; костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на ВЮВ. Уцелел череп, часть груд-

ной клетки и левая плечевая кость. За спиной костяка, прикасаясь к ребрам, стоял глиняный плоскодонный горшок грубой лепной работы, со следами белого ангоба.

Погребение № 18, совершенно разрушенное.

Погребение № 19, разрушенное. Уцелели только кости ног; по ним можно заключить, что костяк, повидимому, лежал в скорченном положении, головой на ВЮВ (?).

Погребение № 20, разрушенное. По слабо сохранившимся остаткам можно заключить, что костяк лежал в скорченном положении головой на ВЮВ (?).

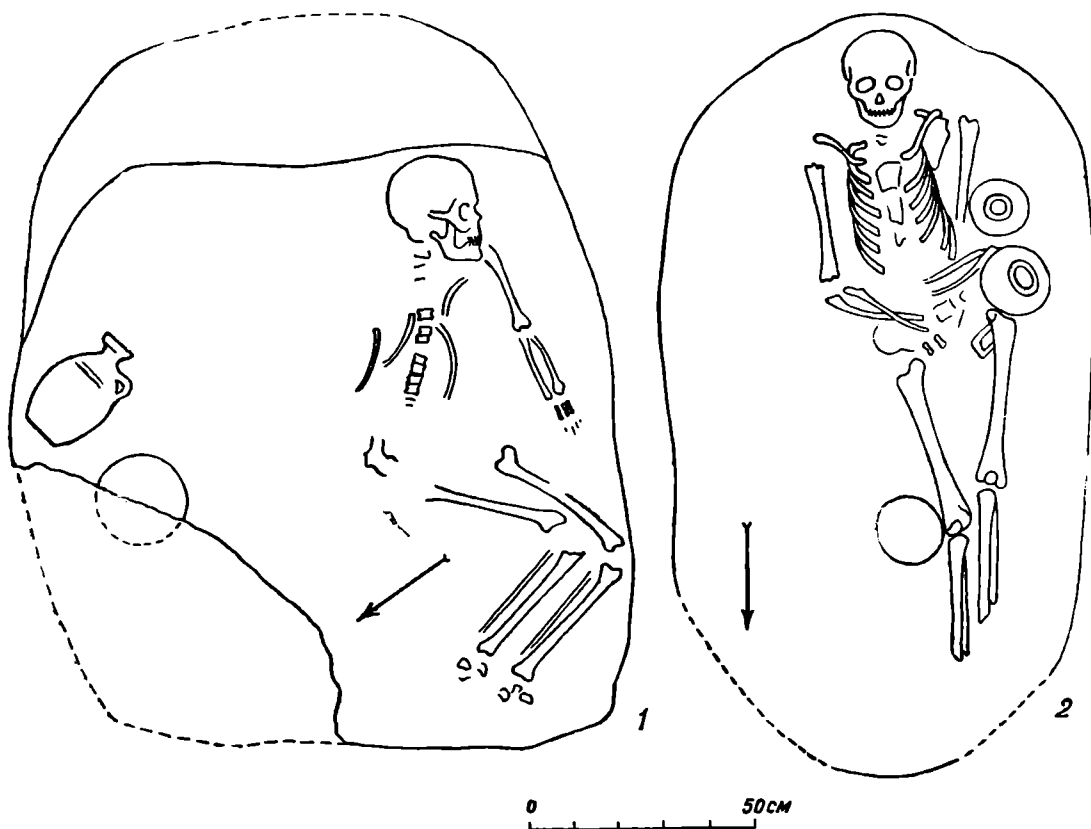

Рис. 12.

1 — погребение № 15; 2 — погребение № 24.

Погребение № 21 (частично повреждено земляными работами). Длина 1.18 м, ширина 0.68—0.84 м. Детский костяк, очень плохой сохранности лежал в скорченном положении на левом боку, головой на ССВ; сохранился череп, несколько позвонков, локтевая и лучевая кости правой руки, кости правой голени. За черепом в северо-западном углу могилы лежал фрагментированный глиняный плоскодонный кувшин, покрытый снаружи светлой обмазкой; ручка, снабженная двумя круглыми просветами, скульптурно оформлена — она изображает кабана (рис. 13, 1).

Погребение № 22. Длина 2.10 м, ширина 0.78 м, глубина 3.30 м. Костяк (потревоженный) лежал на спине в вытянутом положении, головой на ВЮВ. Череп обнаружен на правой бедренной кости близ таза, большая берцовая кость лежала поперек правой бедренной, нижняя челюсть найдена лежащей на левой лопатке. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая — согнута в локте, кисть ее находилась на нижней части грудной клетки. В юго-восточном конце могилы

найден опрокинутый набор глиняный плоскодонный горшок, очевидно стоявший у головы погребенного.

Погребение № 23. Глубина 3 м. Костяк лежал на спине, головой на ЗСЗ; обе руки согнуты в локтях, и кисти рук находились на животе. По левую сторону костяка, возле коленного сустава, найден в лежащем положении глиняный плоскодонный горшок без украшений (рис. 13, 2).

Погребение № 24 (рис. 12, 2). Длина 2.50 м, ширина 1.40 м, глубина 2.40 м. Костяк лежал на спине, головой на Ю с незначительным отклонением к В; конечности рук покоились на животе; ноги в коленях сближены вплотную; ступени ног не сохранились. У локтя левой руки стоял глиняный плоскодонный толстостенный лепной горшок (рис. 13, 3); чуть ниже, с той же стороны, примыкая к тазу, стоял другой горшок несколько больших размеров. Возле колена правой ноги находилась глиняная чаша (рис. 13, 4), покрытая коричневато-красным ангобом (сохранились следы).

Погребение № 25. Длина 1.25 м, ширина 0.86 м, глубина 2 м. Детский костяк, очень плохой сохранности, лежал на правом боку в скорченном положении, головой на В с незначительным лишь отклонением к СВ. Перед лицевой частью черепа стоял глиняный плоскодонный, покрытый белым ангобом горшок, украшенный двумя углубленными волнистыми линиями, разделенными горизонтальным очень неровно прочерченным пояском (рис. 13, 5), а несколько ниже была обнаружена глиняная чашка со следами красного ангоба.

Погребение № 26 (обнаружено на противоположной стороне у северного борта канала на расстоянии около 60 м от южного борта). Длина 1.50 м, ширина 1.02 м, глубина 2.25 м. Костяк лежал на спине, головой на В; сильно согнутые ноги выступают коленями влево от костяка, т. е. в южную сторону; кисти рук найдены в области таза; следовательно, они покоились на нижней части живота. По правую сторону черепа обнаружен глиняный горшок, покрытый белым ангобом (рис. 13, 6).

Погребение № 27. Глубина 2.60 м. Костяк скорченный, лежал на левом боку, головой на СВ. Сверху на костяке, приблизительно над тазом, стоял глиняный горшок (рис. 14), плечи которого украшены двумя врезанными волнистыми линиями, разделенными одной прямой горизонтальной. Рядом с горшком, над коленом левой ноги, найдена глиняная лепная чаша, покрытая красным ангобом, небрежно, асимметрично сформованная, дно со вздутием (рис. 15, 1).

Погребение (?) № 28. На глубине 2.50 м найдена глиняная чаша, покрытая красным ангобом (рис. 15, 3); в чаше лежал глиняный кувшинчик (рис. 15, 2), ручка которого имеет направленный кверху выступ, оформленный в виде головы животного; при всей схематичности изображения в нем все же можно распознать черты овцы. Плечи кувшинчика украшены небрежно исполненной врезанной волнистой линией, горизонтально обтекающей сосуд.

Никаких признаков захоронения около поименованных предметов не обнаружено; весьма возможно, что плохо сохранившиеся следы костяка были не замечены и скрыты землекопами.

Во время продолжавшейся после отъезда экспедиции разработки канала на северной его стороне (недалеко от места, где найдено было погребение № 26) землекопы наткнулись еще на два погребения, содержавшие по одному костяку и по два сосуда, которые в фрагментированном виде поступили в нашу коллекцию находок. Ввиду их характерности для керамики данного могильника, мы даем ниже описание этих сосудов.

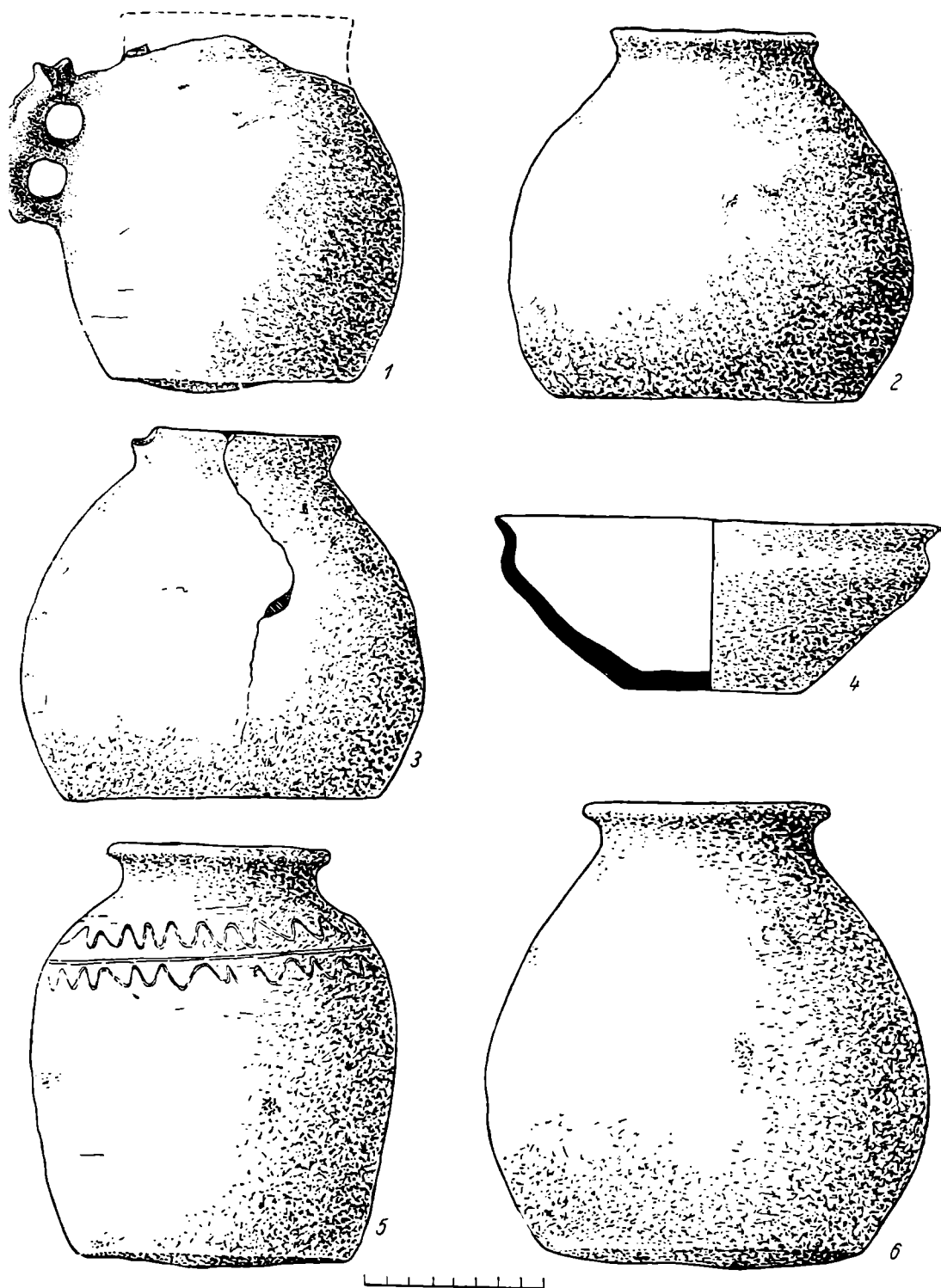

Рис. 13. Сосуды.

1 — из погребения № 21; 2 — из погребения № 23; 3, 4 — из погребения № 24; 5 — из погребения № 25; 6 — из погребения № 26.

Рис. 14. Сосуд из погребения № 27.

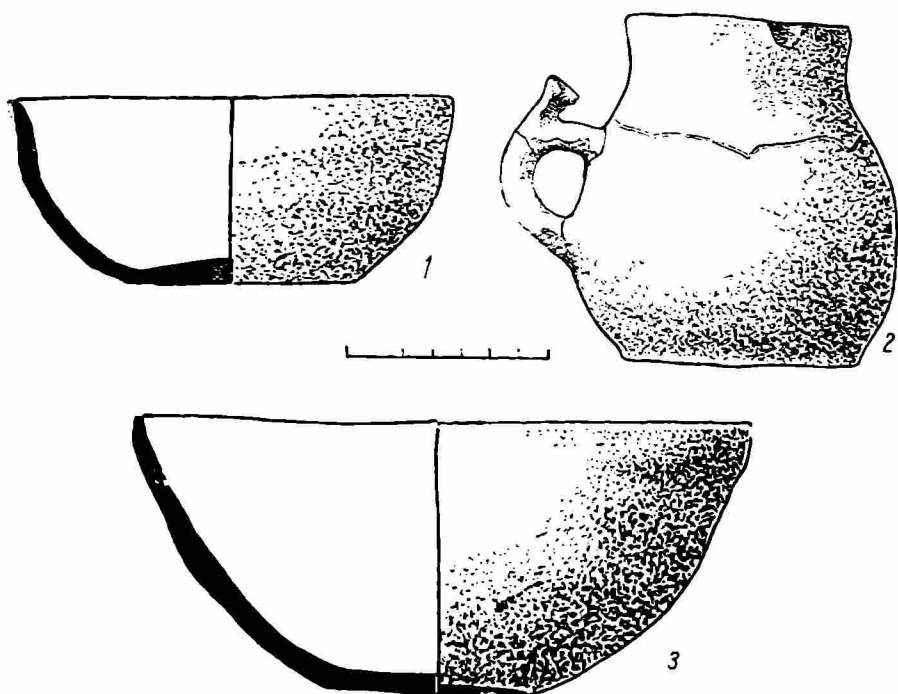

Рис. 15. Сосуды.

1—из погребения № 27; 2—3 из погребения № 28.

1. Горшок лепной, плоскодонный (рис. 16, 1), из бледной красно-бурой глины, содержащей много мелких частиц известняка; формовка отличается тщательностью, толщина стенок сосуда 0.7—0.4 см; снаружи покрыт белым ангобом, имеющим легкий оливковый оттенок. Высота 18 см, диаметр горла 9.8 см, диаметр дна 13.8 см.

2. Горшок лепной (рис. 16, 2), плоскодонный, из коричневатато-красной глины, содержащей много мелких крупинок известняка и большое коли-

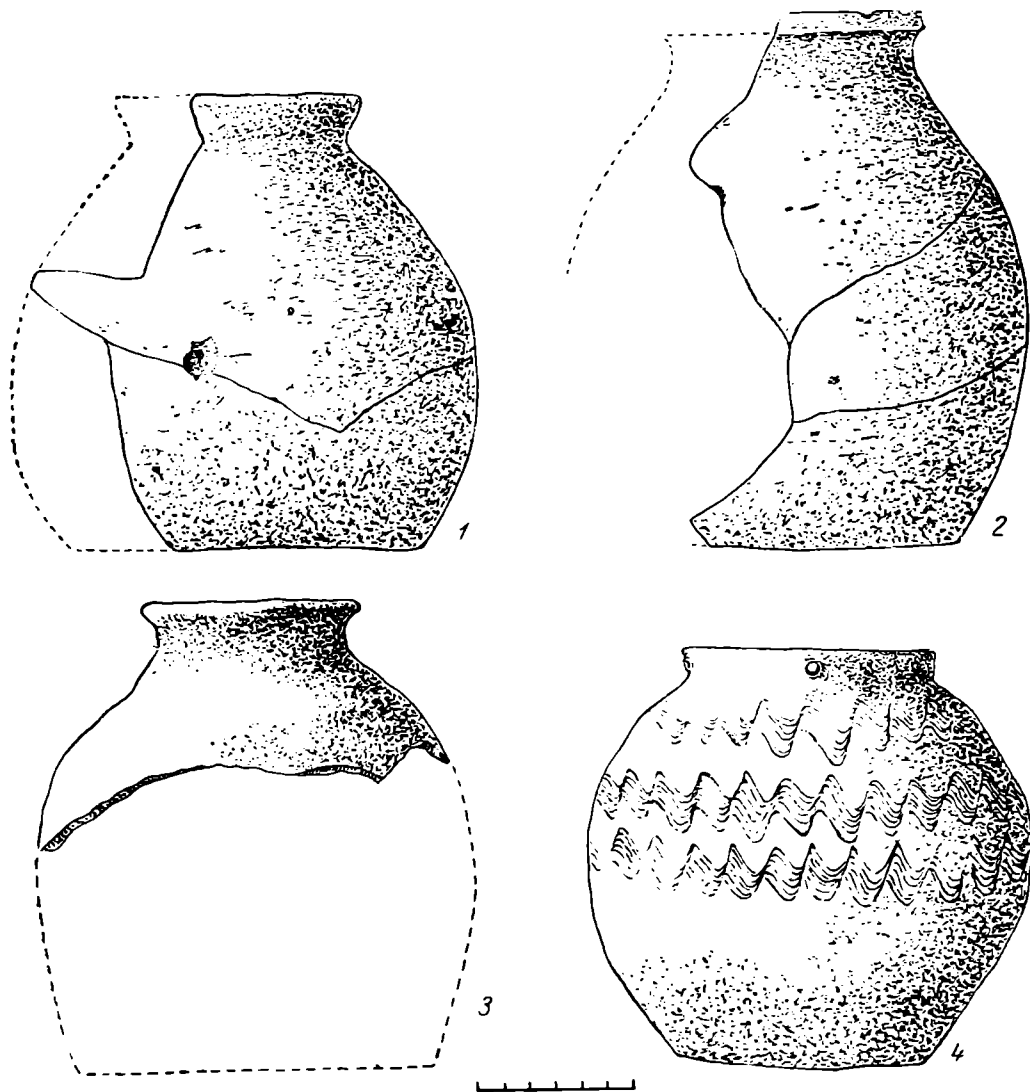

Рис. 16.

1—4 — сосуды из разрушенных погребений.

чество блесток слюды (толщина стенок 7—8 см); плоское дно, неровное, несколько выпучено в центре, вследствие чего сосуд не вполне устойчив; венчик имеет заостренный край и слегка наклоненный срез снаружи. Высота 21 см, диаметр горла 10 см, диаметр дна 10 см.

3. Горшок лепной (рис. 16, 3), плоскодонный (уцелело несколько обломков), значительно более грубой выделки, чем предыдущие сосуды; небрежность формовки выражается как в значительных неровностях стенок, многочисленности вмятин, так и в неправильности окружности горла; глина бледнобурая (близка по цвету и качеству сосуду № 1); снаружи горшок покрыт белым, со слегка зеленоватым оттенком, ангобом.

Как видно из приведенного выше описания погребений, у древнего населения, которому принадлежал могильник, расположенный близ Ширин-сая, существовали одновременно два основных погребальных обряда: одни хоронили покойников, кладя их на спину в вытянутом положении; другие клали погребаемый труп в скорченном положении на боку (преимущественно на левом), с поджатыми ногами. Погребения в скорченном положении количественно составляют довольно большой процент: примерно 25% раскопанных могил содержали скорченные костяки.

Своеобразным погребальным обрядом, занимающим как бы промежуточное положение между двумя вышеуказанными, являлся такой способ погребения, при котором покойника клали на спину, но с согнутыми ногами (погребение № 26).

Отметим еще одну особенность погребального ритуала, которую удалось подметить по крайней мере в двух раскопанных могилах (№№ 2 и 13): в них покойники лежали на спине, но ноги их были поставлены коленями вверх; применение этого обычая особенно отчетливо выступает в погребении № 2, в котором у костяка взрослого одна нога оказалась сохранившей именно такое приподнятое кверху положение.¹

Как можно судить по раскопанным погребениям, преобладающей была ориентировка на ВЮВ, затем на ЗСЗ; такое направление характерно для погребений как в вытянутом, так и в скорченном положении, хотя следует отметить, что количество отклонений от этого правила для первых гораздо меньше (строго говоря, только одно погребение, № 23, с костяком, лежащим на спине, было ориентировано на ЗСЗ), тогда как почти половина скорченных захоронений имела ориентировку на СВ (№№ 21, 25, 27).

Чем могли быть обусловлены отмеченные различия погребальных обычаев, существовавших в одно и то же время, поскольку, как мы увидим ниже, изучаемый могильник охватывает хронологически относительно ограниченный период?

Наиболее вероятно, что основную причину различия ритуала захоронений следует видеть в разнородности этнических слагаемых, из которых исторически формировалось население на данной территории. Для выяснения этих вопросов имеет важное значение изучение костных остатков, произведенное М. М. Герасимовым.

На основании исследования черепов, удовлетворительно сохранившихся в некоторых могилах, М. М. Герасимов установил наличие в могильнике Ширин-сая трех основных антропологических типов: хорасанского, урало-алтайского, европеоидно-дравиоидного, свидетельствующих о значительной пестроте антропологического состава данного района в период, к которому относится могильник Ширин-сая.²

Что касается вещественного инвентаря, найденного в погребениях, то он в общем однороден в захоронениях, совершенных по различному погребальному ритуалу. Наиболее обычными предметами, которые клали в могилу, является глиняная посуда, встречающаяся почти во всех могилах. Чаще всего в погребениях оказываются 1 или 2 сосуда (чаша и горшок или кувшин); только в одном погребении обнаружено было 3 сосуда (погребение № 24); столь же редки погребения, совсем не имеющие керамики.

¹ Аналогичный обряд захоронения был установлен при раскопках одного из курганов близ Каунчи в Янгйюльском районе Ташкентской области. См.: М. В о р о н е ц. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, № 3/4, 1940, стр. 334.

² М. М. Герасимов, ук. соч., стр. 125—129.

Значительное большинство найденных сосудов выполнено ручной лепкой. Преобладают сосуды, сделанные из простой гончарной глины, не отмученной, содержащей много примесей, особенно много включений мельчайших частиц известняка. Чаши, как правило, изготовлены из более чистой и лучше обработанной глины, чем горшки. Обжиг сосудов, несомненно, производился в специальных горнах, керамическая масса обычно всегда хорошо прокалена.

Почти у всех сосудов, за очень небольшим исключением, поверхность покрыта ангобом — белым и красным. Все чаши — как найденные в раскопанных погребениях, так и обнаруженные в виде обломков среди керамики из разрушенных могил — окрашены красным ангобом. На кувшинах и горшках красный ангоб встречается редко. Среди довольно многочисленной серии сосудов, найденных при раскопках могильника, только кувшины из погребений №№ 1 и 5, а также фляга из погребения № 14, имеют следы красного ангоба, остальные кувшины и горшки покрыты снаружи белым ангобом, имеющим часто оливковый тон. Красный ангоб разнообразен по оттенкам цвета, он варьирует от яркого оранжевато-красного и темномалинового до темнубурого и коричневатого. Наносился красный ангоб или непосредственно на поверхность сосуда (в виде примера можно указать на кувшин из погребения № 5), или предварительно сосуд окрашивали белым ангобом, а затем уже покрывали красным. Красный ангоб не прочен: почти на всех сосудах он в той или иной степени утратился, стерся, а на некоторых сохранились лишь очень слабо заметные его следы. Ангоб этот тусклый, он не имеет блеска, присущего глазури античной *terra sigillata*; равным образом он значительно уступает в прочности той же античной красной глазури, условно именуемой обычно красным лаком.

В качестве дополнительного приема отделки красной ангобированной керамики применялось лощение. По обломкам одной чаши, найденным среди подъемного материала (по форме она идентична чаше из погребения № 28), видно, что ее внутренняя поверхность подвергалась лощению после того как чаша была покрыта красным ангобом; лощение не сплошное, в виде перекрещивающихся косых штрихов, расположенных на некотором расстоянии один от другого и отчетливо выделяющихся на матовом фоне ангобированной поверхности. Керамика из могильника у Ширин-сая не отличается большим разнообразием типов. Значительную группу составляют чаши. Характерными образцами наиболее распространенных форм могут служить чаши из погребений №№ 1, 5, 28. Это крупные чаши, более или менее близкие к полусферической форме; снизу дно у них обычно имеет плоский срез, придающий устойчивость сосуду. Сопоставление всей серии чаш этого типа показывает, что, помимо некоторых различий, выражающихся в степени тщательности выделки, цвета ангоба, наблюдаются различия и в деталях профиля. Чаша из погребения № 5, хорошо сформованная, покрыта двуслойным ангобом — белым и поверх него коричневатым; край венчика слегка отклонен наружу. Чаша из погребения № 1 окрашена оранжевато-красным ангобом; венчик прямой, но чуть утолщенный с внутренней стороны. Чаша из погребения № 28, также ангобированная (ангоб темнокрасный), отличается не только грубоватой выделкой, выдающей ручной способ изготовления, но имеет и менее выпуклые очертания бокового профиля, чем у предыдущих двух образцов.

Одним лишь экземпляром представлена чаша, покрытая темномалиновым ангобом, с кольцевидной подставкой (погребение № 7).

Более усложненный профиль мы видим у чаши из погребения № 24, покрытой коричневатым ангобом: круто отогнутый венчик, сочетаю-

щийся с глубоким перехватом шейки, и изящный изгиб плеч придают этому типу чаши более изысканный вид, в сравнении с чашами, ранее рассмотренными.

Наиболее многочисленную группу керамических находок составляют горшки и кувшины. Бесспорно сделанными на гончарном круге являются только кувшины из погребений №№ 1 и 5. Наиболее совершенен в техническом отношении орнаментированный кувшинчик из погребения № 1: он изготовлен на гончарном круге, из хорошей чистой глины и весь снаружи покрыт ярким оранжево-красным ангобом. Остальные горшки — лепные, но у большинства из них поверхность очень старательно сглажена, выровнена; повидимому, завершающая стадия формовки сосуда производилась на каком-то примитивном вращающемся приспособлении, позволявшем тщательно отделать сосуд, сгладить следы лепки и придать венчающей части сосуда (горло, венчик) правильную круглую форму. Только небольшой процент сосудов изготовлен так, что при первом же взгляде бросается в глаза ручной способ работы. Такой небрежно сработанный лепной горшок найден, например, в погребении № 17; аналогичен ему лепной горшок из числа находок, принадлежащих разрушенным погребениям (№ 3).

Характерным внешним признаком, свойственным значительной части горшков, является их приземистость, обусловленная тем, что при наличии плоского широкого дна соотношение высоты сосудов и наибольшего диаметра их туловища в большинстве случаев составляет почти 1. Украшения горшков и кувшинов, кроме покрытия поверхности цветным ангобом, состоят из двух орнаментальных мотивов — волнистая и прямая линии, опоясывающие в горизонтально-круговом направлении плечи или тулово сосуда. Нередко тот и другой мотив украшения дан в виде различных комбинаций прямых и волнистых линий.

Указанный линейный орнамент выполнялся при помощи заостренного инструмента, которым прочерчивался узор по мягкой глине до обжига сосуда. Другой, реже встречающийся вид орнаментации, представлен на сосуде из погребения № 12: волнистый орнамент, состоящий из ряда линий, здесь сделан при помощи гребенчатого шаблона. Подобный же гребенчатый орнамент (менее четко прочерченный) украшает в виде трех горизонтальных полос лепной горшок (на нем сохранились следы красного ангоба, наложенного по белой обмазке), найденный случайно в отвалах земли, вынесенной из канала, и несомненно извлеченный из разрытого при земляных работах погребения (рис. 16, 4).¹ К числу более редких типов керамики раскопанного могильника относятся сосуды, найденные в погребении № 14. Здесь оказалась глиняная вьючная фляга (рис. 11, 1), имеющая один бок выпуклый, другой плоский; выпуклая сторона украшена врезанной спиралевидной линией. Среди керамики из разрушенных при земляных работах погребений обнаружено еще несколько подобного типа фляг (без украшений), что свидетельствует о распространенности таких сосудов. Более редкой находкой является обнаруженное в том же погребении № 14 глиняное блюдо с тремя ножками (рис. 11, 2). Ни в каком другом погребении, как равным образом и среди керамических находок из могил, разрытых до работ экспедиции, подобных блюд или фрагментов таковых не встречено.

Значительный интерес представляют лежавшие на блюде кости челюсти собаки. Это обстоятельство позволяет думать, что блюдо являлось

¹ Сосуд этот и по своей форме и по характеру орнаментации очень близко напоминает глиняный горшок, найденный в кургане № 10 Кенкольского могильника (только волнистый орнамент там не гребенчатый, а однолинейный). См.: А. Н. Б е р н ш т а м. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 12 и 16, табл. XIII.

жертвенным и что оно было связано с выполнением какого-то обряда, в котором роль культового животного принадлежала собаке. В этой связи напомним, что при раскопках 1935 г. городища Каунчи (в Янгийольском районе Ташкентской области) было обращено внимание на найденные там фигурные ручки глиняных кувшинов, представляющих собой, повидимому, изображение собаки.¹ Несколько позже на этом же городище была найдена кость волка или очень большой собаки, с отверстием для подвешивания; кость эта, очевидно, служила амулетом.²

Указанные археологические находки позволили сделать вывод о наличии культа собаки у древнего населения, памятником которого является городище Каунчи-тепа.

Находка блюда с челюстью собаки в погребении № 14 могильника близ Ширин-сая увязывается с данными Каунчи и свидетельствует об аналогичной культовой роли собаки у жителей предферганского района в древности.³

К области культово-магических представлений, генетически связанных с тотемическими культами, относятся также изображения животных на ручках глиняных кувшинов. Один из них найден в погребении № 28. Это лепной кувшин (рис. 16, 2) из глины оранжевого цвета (высота 12,8 см, диаметр дна 8 см).

Наружная поверхность кувшинчика покрыта очень жидким светло-кремовым ангобом, неравномерно наложенным; со стороны ручки на сосуде обмазка почти совершенно отсутствует. Плечи украшены горизонтальной углубленной линией, небрежно прочерченной. Вертикальная ручка в виде дужки с круглым сквозным отверстием имеет направленный кверху небольшой выступ (длина 1,5 см), которому придана форма головки животного: слабо намечены уши, морда имеет отчетливо обозначенный разрез рта. Таким образом, ручка в целом должна была восприниматься как схематизированное изображение животного; голова его напоминает (при всей условности передачи реальных черт) более всего ягненка, овцу.

¹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1935, стр. 16.

² Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгийольской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 11. О датировке культурных наслоений Каунчи-тепа см. рецензии: А. И. Тереножкина (Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 84—87) и С. П. Толстова «К вопросу о датировке культуры каунчи» (ВДИ, № 1, 1946, стр. 173—177).

³ Известно, что у ираноязычных народов, исповедовавших зороастрийскую религию, собака почиталась священным животным (см.: К. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. ЖМНП, 1909, март, стр. 97, 99, 101). Но собака являлась культовым животным и у тех народов Средней Азии, которые не были зороастрийцами, причем, что особенно интересно отметить, собака играла определенную роль в погребальном ритуале. Так, у эфталтов (соединившись, занимавший господствующее положение в Средней Азии в V в. н. э. и вплоть до 60-х годов VI в.) практиковался обычай «сагдид», состоявший в том, что к покойнику подводили собаку, взгляд которой отгонял злых духов (эти данные без ссылки на источник см.: Just. Die älteste iranische Religion und ihr Stifter Zoroaster. Preussische Jahrbücher, т. 88, 1897, стр. 66; ср.: К. Иностранцев, ук. соч., стр. 103, прим. 6). Не менее интересно, что у народа, именуемого китайцами Ухуань, существовал такой обычай (I в. до н. э.—III в. н. э.) — на похоронах за покойником вели собаку, которой поручалось охранять душу покойного (И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, I. 1851, стр. 153, 154; ср.: К. Иностранцев, ук. соч., стр. 103; по мнению Н. Ф. Катанова, Ухуань или Дун-ху, родственные маньчжурскому племени Сянь-би, обитали в первые века н. э. в восточной Монголии; см.: Н. Ф. Катанов. О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XII, вып. 2, Казань, 1894, стр. 111). О распространении тотема собаки и его роли в культах азиатских народов см.: С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИМК, 1935. № 9—10. стр. 12—15.

Другой кувшин (рис. 13, 1), найденный в детском погребении № 21, фрагментированный, тоже изготовлен лепным способом из коричневато-оранжевой глины, содержащей в себе множество очень мелких белых частиц известняка; сосуд толстостенный (в среднем толщина стенок сосуда равна 0.8 см); плоское дно имеет снизу не совсем ровную поверхность, что делает сосуд не вполне устойчивым. Высота кувшина (сохранившаяся) 16 см, диаметр дна 11 см. Наружная поверхность кувшина покрыта бело-желтоватым ангобом; там, где ангоб наложен очень тонким слоем, просвечивающая сквозь него глина сосуда придает ангобу сранжеватый тон.

Интересно, что дно кувшина покрыто слоем мелкого песка, крепко прилипшего к глиняному тесту; песок, очевидно, подсыпался под сосуд при его формовке и сушке во избежание прилипания сырой глины. Ручка, снабженная двумя отверстиями, имеет форму зверя, его голова обращена вверх, т. е. в сторону устья сосуда. Наибольшая длина ручки 8.2 см, наибольшая высота 4 см; диаметр каждого отверстия 1.8 см. Фигура животного трактована в высшей степени суммарно и условно, причем условность эта усугублена еще и конструктивной особенностью ручки — устройством в ней двух круглых отверстий, в связи с чем возникла необходимость в третьей опоре, соединяющей голову зверя с корпусом сосуда. Тем не менее ряд характерных черт — острый хребет, морда в виде усеченного конуса, выступающие вперед уши (кончики их отбиты) — позволяют распознать изображение вепря.

Надо особо отметить наличие на спине фигурки животного впадины. Если мы обратимся к изображениям вепрей на сасанидских металлических изделиях, то увидим, что при профильной передаче этих животных особенно подчеркивался резкий прогиб спины.¹ Полагаем, что указанное обстоятельство еще более подкрепляет высказанное предположение о возможности видеть в данной фигурной ручке схематизированное изображение вепря.

Изображение овцы или барана на ручках древних кувшинов в Средней Азии — хорошо известно по многочисленным находкам в Каунчи и на Ташкентском канале; находки эти свидетельствуют, что такого рода «звериные ручки», выполнявшие, повидимому, функции магических оберегов (т. е. защищавших содержание сосуда от «злых духов»),² были особенно популярны в алаано-сарматской керамике в начале нашей эры.³ Ручки в форме кабана, кажется, до сих пор не встречались (во всяком случае в опубликованных археологических материалах их нет), и находка кувшина с такой ручкой в погребении № 21 могильника у Ширин-сая дает дополнительный штрих, указывающий на культовую роль вепря у древнего населения Средней Азии.

¹ См., например, сасанидское серебряное блюдо с изображением царя Шапура III, охотящегося на вепрей (Эрмитажное собрание); [И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, 1935, табл. 9; ср. также изображение бегущих кабанов в картине охоты на рельефе Большого грота в Так-и-бустан (около 620 г.). — S a g g e. Die Kunst des alten Persien. Берлин, 1922, табл. 89].

² Ср.: А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии России, IV, стр. 73.

³ Представляется наиболее правильным отнесение сосудов с ручками в виде животных, известных по многочисленным находкам в Ташкентском районе (в слоях Каунчи II и др.), к первым векам нашей эры (см.: Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVIII, стр. 73); несколько более раннюю дату (II—I вв. до н. э.) для этих сосудов предлагает А. И. Тереножкин (КСИИМК, XXXIII, стр. 158, 159).

В двух погребениях (№№ 2 и 15) были найдены каменные поделки, которые нами определены при описании погребений как точильные оселки. Это небольшие бруски серого песчаника, один конец которых заострен, а другой утолщен и снабжен сквозным отверстием, предназначенным для того, чтобы можно было оселок подвесить. На такого рода изделия из камня было обращено внимание в связи с частыми находками их на городище Каунчи. По мнению Г. В. Григорьева, не все они являлись «точилками», какковыми они кажутся с первого взгляда; часть их, вероятно, служила подвесками-амулетами.¹ Некоторые обстоятельства, связанные с условиями находок «точилок» в погребениях могильника у Ширин-сая, в известной мере могут служить подтверждением приведенной гипотезы.

В погребении № 2 каменная «точилка» найдена в области пояса наряду с железным ножом [кстати отметим, что ножи встречены и в мужских (№ 7) и в женских (№№ 2 и 8) погребениях], чем определяется с наибольшей вероятностью утилитарное значение каменного предмета в качестве «точилки».

Иначе обстоит дело с аналогичной находкой в погребении № 15. Здесь подобная же «точилка» оказалась лежащей у правой ключицы скорченного костяка на уровне шеи, где найдено, кроме того, еще и несколько бусин. Условия находки позволяют считать, что в данном случае так называемая точилка служила, скорее всего, подвеской-амулетом.²

Весьма важное значение имеет находка (в погребении № 1) бронзовой китайской монеты (рис. 4). Монета имеет форму правильного кружка (диаметр 2 см) с квадратным отверстием в центре (9×9 мм), вес 2.55 г. На обеих сторонах край монеты окаймлен выпуклым ободком (ширина 1 мм), так же ограничено и четырехугольное отверстие, занимающее центр монеты. На лицевой ее стороне, справа от центрального отверстия, изображен иероглиф («у»), имеющий цифровое значение «5», слева расположен иероглиф, обозначающий наименование монетной единицы («чжу»).³

Находка древней китайской монеты на территории Средней Азии представляется явлением легко объяснимым, если принять во внимание, что начиная с последних десятилетий II в. до н. э. среднеазиатские государства, и прежде всего Давань—Фергана, находились в постоянных торговых и культурно-политических сношениях с Китаем.

Особенность монетной находки в могильнике у Ширин-сая определяется тем, что, будучи связана с погребальным комплексом, она может служить для него датировочным показателем. Однако дело осложняется тем, что определение даты самой монеты связано с некоторыми трудностями.

Монеты типа у-чжу, как указывает В. М. Алексеев, «отливались в Китае с перерывом от 118 до Р. Х. до 618 по Р. Х.». При таком условии вряд ли монетная находка может ощутимо помочь в решении вопроса о датировке погребального комплекса. Приблизительно в таком же положении оказались исследователи археологических памятников Индокитая, когда в одной из гробниц, открытых в Dong-son, было обнаружено

¹ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгйюльской археологической экспедиции 1937 г., стр. 5.

² Этнографические данные о применении различного рода каменных орудий и роли магических амулетов-оберегов см.: Д. К. Зеленин. Магическая функция примитивных орудий. ИАН ООИ, 1931, стр. 724 сл.

³ В. М. Алексеев. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в Нумизматическом отделении Эрмитажа. СПб., 1907, стр. 20 сл.

значительное число китайских монет у-чжу, совершенно тождественных нашему экземпляру, происходящему из могильника Ширин-сая. Но, к счастью, среди многочисленных монет у-чжу, найденных в Dongson, оказалось еще и несколько монет правителя-«узурпатора» Ван Мана, время правления которого относится к 9—23 гг. Совместная находка указанных монет позволила прийти к заключению о синхронности монет у-чжу данного типа с монетами Ван Мана.¹

Конечно, не следует упускать из вида возможность попадания монеты в комплекс погребального инвентаря спустя достаточно много времени после ее выхода в свет. Наиболее вероятной датой погребения № 1 следует признать II—III вв. н. э. Интересно отметить, что еще до выяснения датировочных возможностей китайской монеты, на основании сопоставления найденных в погребении № 1 глиняных сосудов с греко-сарматской керамикой северного Причерноморья, казалось возможным отнести погребение № 1 ко II—III вв. Монета, как мы видим, этому не противоречит.

Не входя здесь в детальный анализ всех находок из раскопанных погребений, отметим, что в целом они производят впечатление хронологической «компактности», на основании чего можно заключить об относительно ограниченном периоде времени, на протяжении которого существовал могильник близ Ширин-сая.

Принимая это во внимание и исходя из даты погребения № 1, можно отнести расследованный могильник в основном ко II—IV вв. н. э.²

Хотя вещественный инвентарь могильника не дает непосредственных данных для суждения о характере общественно-хозяйственной организации быта древнего населения, жившего в районе Ширин-сая в первые века н. э., тем не менее, следует считать, что это было земледельческое оседлое население.

Следы какого-то небольшого селища, в значительной своей части уже уничтоженного при прорытии канала, были обнаружены в непосредственной близости от могильника, несколько восточнее его.³ В отвалах грунта здесь встретились обломки керамики, родственной некоторым типам сосудов из могильника у Ширин-сая. При осмотре этого места было также отмечено обилие зернотерок, представлявших собой чаще всего продолговатые камни с несколько вогнутой верхней рабочей поверхностью, сработанной в результате производившегося на ней растирания зерна. Тут же в числе древних культурных остатков находились обломки больших глиняных хумов.

К этому надо добавить, что последующие археологические работы 1943—1944 гг., производившиеся Фархадской экспедицией на месте остатков древнего поселения Мунчак-тепе, расположенного непосредственно против Фархад-тау и возникшего, как выяснилось, в кушанский

¹ V. Goloubew. L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. Bulletin de l'École française d'Extrême Orient, т. XXIX. Ханой, 1930, стр. 11, а также табл. VI, рис. E.

² Следует отметить, что один из самых излюбленных приемов орнаментации глиняных сосудов из могильника Ширин-сая — врезанными волнистыми линиями — был распространен в Хорезме в кушано-афридский период (С. П. Толстов. Древний Хорезм. 1949, таблица «Опыт хронологической классификации памятников древнего Хорезма»), что также подкрепляет указанную датировку расследованной части могильника у Ширин-сая.

³ Отчет о раскопках Мунчак-тепе подготавливается в настоящее время к изданию; предварительное сообщение о результатах исследования Мунчак-тепе см. в упоминавшейся уже моей статье «Работы Фархадской археологической экспедиции Узбекистане в 1943—1944 гг.» (КСИИМК, XIV, стр. 97 сл.).

период, на рубеже нашей эры,¹ показали, что могильник у Ширин-сая и нижние слои городища Мунчак-тепе синхронны и являются единым культурно-историческим комплексом данного района.² Это же подтверждается и наблюдениями, сделанными Фархадской экспедицией в 1944 г. в период раскопок Мунчак-тепе. Неоднократное обследование трассы деривационного канала в промежутке между Мунчак-тепе и Ширин-саем показало, что могильник, расследованный в 1943 г., представляет собой часть обширного кладбища, которое располагалось к востоку, северу и западу от поселения, бывшего на месте Мунчак-тепе. Особенно далеко это кладбище растянулось на запад, вдоль левого берега Сыр-дарьи, где оно и доходило почти до Ширин-сая. Следы древних захоронений, разрушенных при строительстве канала, наблюдались в 1944 г. почти на всем вышеуказанном протяжении канала, подтверждая тесную связь могильника у Ширин-сая с Мунчак-тепе. Показательно, что позже (в 1947 г.) при строительных работах у плотины, в непосредственном соседстве с Мунчак-тепе были найдены различные древние вещи, несомненно, происходящие из разрушенных могил, в том числе сосуды, идентичные керамике погребений Ширин-сая.³

Как сложилась культура, отраженная в могильнике Ширин-сая, какой был этнический состав населения и каковы были его культурные связи?

Эти вопросы в полном их объеме должны стать предметом специального рассмотрения при окончательной публикации материалов Фархадской экспедиции, включая раскопки Мунчак-тепе. Поэтому мы здесь ограничимся лишь некоторыми выводами, вытекающими из культурно-исторического сопоставления вещевых находок могильника с аналогичными памятниками других областей Средней Азии.

Вспомним хотя бы сосуды с фигурными ручками в виде животных. При наличии местного оттенка в их оформлении, стилистически «звериные ручки» кувшинов и самые формы этих сосудов, найденных в погребениях у Ширин-сая, ближе всего подходят к кругу подобного же рода памятников, открытых Г. В. Григорьевым в Каунчи, а А. И. Тереножкиным на Ташкентском канале. Таким образом намечается одна вероятная линия связи с культурой поселений Чирчикского оазиса кушанского времени.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на тот интересный факт, что некоторые типы сосудов из могильника у Ширин-сая имеют очень

¹ При раскопках городища Мунчак-тепе в 1944 г. на участке VII, охватившем северо-восточную часть тепе, в открытых там остатках сырцовоглинобитных зданий, полы которых лежали на глубине 6—7 м от современной поверхности городища, найдена керамика в виде точно таких же ангобированных горшков, украшенных врезанным волнистым орнаментом, какие встречены во многих погребениях могильника у Ширин-сая (ср.: КСИИМК, вып. XIV, стр. 105, 106). Ниже горизонта залегания указанной керамики в Мунчак-тепе шел слой II—I в. н. э. [Характерные для наиболее древних культурных отложений Мунчак-тепе образцы керамики см. в моей статье «Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе» (КСИИМК, вып. XXVIII, стр. 81)].

² Поселения первых веков н. э., возникшие на левом берегу Сыр-дарьи и районе Фархад-тау, несомненно, базировались в развитии своего земледельческого хозяйства на использовании тех же источников, которые продолжали питать ирригационную систему района Беговат к моменту занятия края русскими. Тогда там действовали сохранившиеся поныне два магистральных арыка — Буз и Булак, которые «... по словам туземцев, были проведены с незапамятных времен и брали начало: первый из р. Ак-су, а второй — из родников кишлака Кош-тегермень, лежащего выше по течению Сыр-дарьи»; см.: З. Ф. Караваев. Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Пгр., 1914, стр. 89.

³ См.: С. К. Кабанов. Археологические находки на Фархадстрое. Изв. АН УзССР, 1948, № 5, стр. 78.

близкие параллели в керамике Ферганы первых веков н. э. Можно указать, например, на серию сосудов, найденных на строительных участках 24—25 (район ст. Ванновская) Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина, которые чрезвычайно сходны по своей форме, профилю, пропорциям (характерен большой диаметр плоского дна)¹ с наиболее распространенными типами сосудов (плоскодонные горшки) из погребений могильника у Ширин-сая. Еще больше таких же очень сходных типов керамики (приземистые, с широким основанием горшки, иногда с волнистым резным орнаментом) дали могильники Гурмирона (сев. Фергана) и Джангала (южн. Фергана), исследование которых в последние годы производил А. Н. Бернштам (материалы этих раскопок еще не изданы). Интересно, что и по времени указанная ферганская керамика (она датируется III—IV вв.) вполне совпадает с аналогичными находками из могильника у Ширин-сая. Вряд ли это совпадение форм керамики случайное. Очевидно, само местоположение данного района, представляющего как бы преддверие, ведущее из степной предгорной полосы, прилегающей к Туркестанскому хребту, в Ферганскую долину, определяло отмеченный выше характер культурных взаимосвязей, нашедших свое отражение в вещевых памятниках могильника у Ширин-сая.²

Район, где находится расследованный могильник — окрестности г. Беговата — входил в древности в состав области Усрушаны,³ охватывавшей полосу культурных земель, расположенных между Самаркандом и Ходжентом.⁴ Область эта начиналась на северо-западе у отрогов Нур-атинских гор, включая г. Дизак (теперь Джизак). На юго-западе она граничила с областью Самарканда, достигая здесь р. Зеравшан. В восточном направлении владения Усрушаны простирались почти до г. Ходжента, гранича на севере с Голодной степью и захватывая береговую часть полосы вдоль Сыр-дарьи. На севере Усрушана соприкасалась с владениями Чаджа, т. е. с Чирчикским культурным оазисом. На юге ее владения распространялись до Гиссарского хребта восточнее Пенджикента, включая, таким образом, долину верхнего течения Зеравшана. Усрушане принадлежали обширные горные местности (Буттем), достигавшие на востоке верховьев р. Соха.⁵ Поэтому с полным основанием арабский географ Ибн-Хаукаль писал об Усрушане, что «это, главным образом, горная страна». Однако основные центры страны лежали в предгорьях и на равнине к северу от Туркестанского хребта. Там находилась столица области, наиболее крупные города и главные земледель-

¹ В. Д. Жуков. Отчет о работах II отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, стр. 13, рис. 19 и 20 (Архив Академии наук УзССР).

² Наличие катакомбного типа гробниц в могильнике у Ширин-сая ставится А. Н. Бернштамом в связь с распространением в Средней Азии элементов гуннской культуры; см.: А. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л., 1951, стр. 102, 105, 192). — Он же. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 20, 21.

³ Наиболее древнее, изначальное наименование области — Сутрушана, как об этом можно судить по транскрипции названия области в китайских династических летописях, где она впервые упоминается в VI в. н. э. под именем Суйдушана. Арабские географы X в. передают название области различно, но чаще всего, как Осрушана; в персидских источниках она фигурирует под именем Сурушана или Шурусана; см. статью: J. H. Kramers, Encyclopédie de l'Islam s. v. Osrushana, стр. 1072.

⁴ О границах Усрушаны, ее городах и проходивших через эту страну дорогах см.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. СПб., 1890, стр. 165 сл.; в лондонском издании 1928 г. — стр. 165—169. — Он же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 136.

⁵ М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана. Ташкент, 1934, стр. 47.

ческие районы. Левый берег Сыр-дарьи напротив Фархад-тау являлся, следовательно, северо-восточной окраиной Усрушаны. Именно здесь, несколько южнее теперешнего Беговата, проходила дорога, соединявшая Фергану через г. Ходжент с Самаркандом и являвшаяся одним из важнейших торговых трактов Средней Азии. Значение его было особенно велико, так как он соединял Китай со Средней Азией. Из Кашгара через Фергану и Усрушану путь шел на Самарканд и Бухару, далее на юго-запад через Мерв и Персию.¹

Наши сведения об Усрушане, ее границах, дорогах, городах основаны почти исключительно на тех сведениях, которые дают арабские географы X в. Судя по этим данным, Усрушана — «растянувшаяся и важная страна» — была достаточно густо заселенной; в ней, по словам аль-Якуби, было 400 укрепленных пунктов.

Область Усрушаны, правда, не называемая этим именем, впервые выступает в исторических событиях Средней Азии в связи с военными действиями Александра Македонского. Осенью 329 г. Александр Македонский вторгся со своими войсками в эту область со стороны Самарканда, имея намерение построить город — опорный пункт на правом берегу Сыр-дарьи для защиты правобережья от набегов саков, которые кочевали в степях по другую сторону реки. Однако гарнизоны македонских солдат, размещенные в ряде городов области, известной позже под названием Усрушаны, были перебиты восставшим населением, и Александру Македонскому, прежде чем приступить к осуществлению задуманного строительства своей Александрии Эсхаты, пришлось заняться подавлением мятежа.²

В числе восставших городов, которые пришлось брать Александру Македонскому, был и самый большой город данной области Кирополь (Кирэсхата), обычно локализуемый, хотя без достаточно веских к тому оснований, на месте теперешнего Ура-тубе. Где-то поблизости от Фархад-тау, вероятно северо-западнее от этого места, был расположен лагерь Александра, и там, через Сыр-дарью, произошла переправа его войск, преследовавших саков.³

Таким образом, Усрушана обрисовывается античными писателями как область со многими поселениями и укрепленными городами, жители которых упорно сопротивлялись вторжению иноземных завоевателей. О жителях области античные писатели Арриан и Курций Руф ничего определенного не сообщают, называя их общим термином «варвары» или «приречные варвары». Неизвестно, была ли в то время Усрушана политически самостоятельной областью, равно как мы ничего не знаем и о дальнейших ее судьбах вплоть до VI в. н. э.

В китайской династической хронике Суй-шу (518—618) впервые упоминается Суйдушана как некая самостоятельная область, соседняя с Ферганой.⁴

¹ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. МАР, вып. 15, стр. 7. Лишь в VII в., в связи с политическими смутами в Фергане, сношения Западной Азии с Китаем стали поддерживаться в обход Ферганы, что содействовало передвижению на север главного торгового пути (Самарканд—Ташкент—Семиречье—оз. Иссык-куль и т. д.); см.: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 10.

² События эти известны по описаниям Арриана (Анабасис Александра, IV, 1—4) и Курция Руфа, VII, 6—27.

³ В. В. Бартольд. Лекции, стр. 50. Архив ЛОИИМК. По мнению В. В. Бартольда, «лагерь и город Александрия находились, вероятно, не выше селения Нау; переправа произошла, вероятно, несколько ниже по течению». Это ведет нас в район г. Беговат, а не в Ленинабад (Ходжент), где обычно принято помещать Александрию Крайнюю.

⁴ И. Бичурин, ук. соч., III, стр. 202.

Усрушана довольно обстоятельно охарактеризована в сочинении китайского путешественника-пилигрима Сюань-цзана, проехавшего в 630 г. через Среднюю Азию. Сюань-цзан пишет: «Царство Судулисына [Усрушана] имеет в окружности от 1400 до 1500 ли. На восток оно смежно с рекой Же [Сыр-дарья]. Река Же вытекает из северного плоскогорья Цзун-лин и течет на северо-запад. Она то медленно катит свои илистые воды, то шумно и буйно. В отношении продуктов, почвы и нравов это царство сходно с царством Чжэ-ши [Чадж]. С того времени, когда оно [не] имело царя, подпало под власть Ду-цзюе [тюрьков]. Уезжая из этого царства по направлению на северо-запад, попадают в песчаную большую пустыню, где нет ни воды, ни трав».

Под последней, очевидно, подразумевается пустыня Кызыл-кумы. Сопоставление Усрушаны с царством Чже-ши (Чадж), т. е. Чирчикским оазисом, весьма показательно. Как известно, и в области материальной культуры, поскольку она отражена могильником у Ширин-сая, также заметны черты сходства с культурой Ташкентского района, что уже и было нами выше отмечено.

В китайской хронике династии Тан (618—907 гг.) об Усрушане читаем: «Восточное владение Цао еще называется Шайдушана, Суйдушана, Кобугюйна и Судучжини, всего четырьмя именами. Владелец имеет пребывание на северной стороне гор Боси. Это место при старшей династии Хань принадлежало городу Эршы [Ура-тюбе]. На северо-восток до Гюйчжаньти [Ходжент] 200, на север до Ши [Ташкент], на запад до Кана [Самарканд], на северо-восток до Нинюань по 400 ли, на юг до Тухоло [Тохаристан] 500 ли. В продолжение правления Ву-дэ [618—626] это владение вместе с Каном отправило посланника к двору».¹ Усрушана здесь является самостоятельным государством, которое, наряду с Согдом, поддерживает дипломатические сношения с Китаем.

Управляемая своими царями, носившими титул афшина, Усрушана настойчиво отстаивала свою независимость, когда Средняя Азия подверглась нашествию арабов. Несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки, лишь в 822 г., т. е. свыше ста лет спустя после появления арабов в Средней Азии, им удалось окончательно подчинить себе Усрушану, используя при этом внутренние династические распри.²

Но и после этого Усрушана была известна, как страна, в которой арабы не рисковали селиться, ввиду исключительно неприязненного к ним отношения со стороны местного населения.³

До 893 г. Усрушаной продолжали управлять афшины, находившиеся теперь в вассальной зависимости от арабов. С указанного времени страна превращается в составную часть государства Саманидов и прекращает свое автономное существование.

Столицей Усрушаны, резиденцией ее правителей, арабские писатели называют Бунджикет.⁴ По мнению В. В. Бартольда, основанному на толковании некоторых показаний арабских географов, Бунджикет находился около сел. Шахристан; такую локализацию столичного центра

¹ П. Бичурин, ук. соч., III, стр. 242, 243; в скобках нами приведены отождествления, которые принадлежат Шаванну.

² J. H. Kramers, ук. соч., стр. 1073; J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 476.

³ В. В. Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. Среднеаз. вестн., 1896, июнь, стр. 32.

⁴ Крамерс (ук. соч.) полагает, что в действительности этот город носил название Нумаджикет, которое подверглось в арабской литературе искажению.

В. В. Бартольд считал наиболее вероятной и с точки зрения археологической, ввиду наличия в окрестностях современного Шахристана развалин крупного города.¹ Вследствие отсутствия каких-либо археологических исследований на территории Усрушаны, ничего определенного о ее материальной культуре до последнего времени не было известно.

Исходя из вышесказанного, надлежит признать, что археологические материалы добытые в районе Беговата при раскопках могильника у Ширин-сая на территории Фархадстроя весной 1943 г., представляют собой первые данные, которые проливают свет на культуру древней Усрушаны.

¹ Беглое внешнее описание их дал П. С. Скварский в заметке «Несколько слов о древностях Шахристана» (Среднеаз. вестн., 1896, октябрь, стр. 47—51). Другие исследователи находят более вероятной локализацию столицы Усрушаны на месте теперешнего города Ура-тюбе, приблизительно в 25 км северо-восточнее Шахристана. см.: И. А. К а с т а н ь е. Древности Ура-тюбе и Шахристана. Протоколы Туркест. кружка любит. археологии, XXI, I, 1915, стр. 50, 51.

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
172	25 снизу	М — 268 мм	Мт — 268 мм
227.	3 сверху	в — IV вв. до н. э.	в V — IV вв. н. э.
356	10 »	Джангнала	Джанганла

На стр. 12 рисунок 1а напечатан в зеркальном изображении.

На стр. 126 левая часть рисунка 4 перевернута.

Советская археология, XVI.